

Г. Г. Дилигенский

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ НАРОДНЫХ ДВИЖЕНИЙ В ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ АФРИКЕ

Вопросы истории классовой борьбы в поздней Римской Африке в течение ряда лет привлекают внимание советских историков. В статьях Н. А. Машкина и А. Д. Дмитриева проведено интересное и ценное исследование ряда вопросов, связанных с так называемым движением агонистиков¹. Однако не все существенные для данной темы вопросы получили вполне удовлетворительное освещение как в нашей, так и в зарубежной научной литературе. В частности, нуждается в дальнейшем изучении проблема классовой сущности и исторической роли африканских восстаний IV—V вв. Недостаточно полно исследованы роль и место движения агонистиков в классовой борьбе в поздней Римской Африке.

Настоящая статья является попыткой внести большую ясность в указанные вопросы, отнюдь не претендуя на полное и последовательное освещение истории классовой борьбы в африканских провинциях поздней Римской империи.

В настоящее время вряд ли можно оспаривать тот факт, что в IV и начале V в. н. э. в Северной Африке имели место значительные вооруженные выступления сельского населения. В советской научной литературе вошло в обычай называть эти выступления «движением агонистиков». Если действительно существует прочная связь между понятием «агонистики» и народными движениями в поздней Римской Африке, для изучения этих движений необходимо иметь достаточно ясное представление о конкретном историческом содержании указанного термина. Между тем вопрос о содержании понятия «агонистики» трактуется различными исследователями далеко не одинаково. Пожалуй, меньше всего сомнений вызывает идентичность — во всяком случае в исследуемый исторический период и в данном районе — терминов «агонистики» и «циркумцеллионы». Из сообщений наших источников — Оптата и Августина вытекает, что циркумцеллионами называли агонистиков их противники, сами же они выступали под именем агонистиков.²

¹ См. Н. А. М а ш к и н, Движение агонистиков (из истории римской Африки IV в.), ИМ, 1935, № 1; о н ж е, Агонистики, или циркумцеллионы, в кодексе Феодосия, ВДИ, 1938, № 1; о н ж е, К вопросу о революционном движении рабов и колонов в Римской Африке, ВДИ, 1949, № 4; А. Д. Д м и т р е в, К вопросу об агонистиках и циркумцеллионах, ВДИ, 1948, № 3.

² A u g u s t., Enarratio in psalmum 132,6; O p t a t., De schismata donatist., III, 4. По словам Оптата, сопротивлявшийся римским властям епископ Донат называл циркумцеллионов агонистиками (circumcelliones agonisticos puncupans). А. Д. Д м и т

Гораздо сложнее вопрос о том, кем были циркумцеллионы-агонистики. Авторы более старых работ (например, Монсо), опираясь на сведения, сообщаемые о циркумцеллионах африканскими церковными писателями, видели в них выходцев из низших слоев сельского населения, организованных в отряды и ведших полубродяжнический, полуразбойничий образ жизни. В то же время не вызывала сомнений религиозная принадлежность циркумцеллионов: в них видели наиболее активных сторонников донатизма — религиозного движения, возникшего в начале IV в. благодаря расколу африканской христианской церкви и сплотившего вокруг себя значительную часть африканских христиан¹.

Против этой распространенной трактовки понятия «циркумцеллионы» выступил более двадцати лет тому назад Шарль Сомань. Опираясь на декрет императора Гонория от 412 г. о запрещении донатистского вероисповедания (CTh, XVI, 5, 52), в котором упоминаются циркумцеллионы (данные этого декрета мало учитывались предшествующими исследователями), Сомань пришел к выводу, что это понятие объединяло членов определенной социально-сословной группы — *ordo*, отличающейся как от рабов, так и от колонов. Циркумцеллионы, по Соманю, были свободными наемными сельскохозяйственными рабочими, их принадлежность к донатистам вовсе не была обязательной: среди них были адепты различных религиозных направлений. Сомань возражал также против понимания циркумцеллионов как врагов императорской власти, участников движения, направленного против существовавшего социального и политического строя². Концепция Соманя получила широкое распространение в современной западной литературе. Представление о циркумцеллионах как о наемных сельскохозяйственных рабочих отстаивается в большинстве работ по истории Римской Африки, вышедших в последние годы³.

Эта концепция была подвергнута обстоятельному разбору и критике Н. А. Машкиным. Н. А. Машкин выдвинул положение, что агонистики-циркумцеллионы были участниками революционного движения, направленного против владельцев поместий, ростовщиков и католического духовенства. Основную роль в движении играли рабы, в качестве их союзников выступали колонны и представители незакрепощенного берберийского населения⁴. А. Д. Дмитриев, не возражая против определения социальной сущности движения агонистиков, данного Н. А. Машкиным, выступил против какого бы то ни было сближения агонистиков с донатистами, с которыми, по его мнению, они не были связаны ни организационно, ни идеологически. По мнению А. Д. Дмитриева, агонистики объединялись в сектантские демократические общины, являвшиеся «революционными организациями угнетенных масс» (ук. соч., стр. 66 сл.).

рев (ук. соч., стр. 75 сл.) выступил против отождествления агонистиков с циркумцеллионами. Точка зрения А. Д. Дмитриева не представляется убедительной, поскольку она явно противоречит всем свидетельствам современников об агонистиках. Подробный разбор и критику взглядов А. Д. Дмитриева см. Н. А. М а ш к и н, ВДИ, 1949, № 4, стр. 58 слл.

¹ См. P. Monceaux, *Histoire littéraire de l'Afrique chrétienne*, IV, P., 1914, стр. 178 слл.; ср. F. Martrouy, *Une tentative de révolution sociale en Afrique. Donatistes et circoncellions*, «Revue des questions historiques», 1904, стр. 353—416.

² Ch. S a u m a g n e, *Ouvriers agricoles ou rôdeurs des celliers? Les circoncellions d'Afrique*, «Annales d'histoire économique et sociale», VI (1934), № 28, стр. 352 слл.

³ Из новейших работ см., например, B. H. W a r m i n g t o n, *The North African Provinces from Diocletian to the Vandal Conquest*, Cambridge, 1954, стр. 86 слл. (см. рецензию ВДИ, 1956, № 1, стр. 116 слл.); J.-P. B r i s s o n, *Luttes religieuses et luttes sociales dans l'Afrique Romaine*, «La Pensée. Revue du rationalisme moderne», № 67 (1956), стр. 59—67; Chr. C o u r t o i s, *Les Vandales et l'Afrique*, P., 1955, стр. 146 слл.

⁴ ВДИ, 1938, № 1, стр. 91; 1949, № 4, стр. 54.

Дискуссионность вопроса о конкретно-историческом содержании понятия «агонистики-циркумцеллионы» в значительной мере объясняется известной противоречивостью данных источников: произведений церковной литературы, с одной стороны, и упомянутого выше декрета императора Гонория, с другой.

Ведя ожесточенную полемику с представителями донатистского духовенства, католические писатели часто упоминают циркумцеллионов, как наиболее воинственных и жестоких по отношению к католикам сторонников донатизма. Первое по времени упоминание о циркумцеллионах-агонистиках мы встречаем в произведении Оптата «О донатистской схизме». По сообщению этого автора, которое относится к 40-м гг. IV в., агонистики бродили по разным местам, вели свою агитацию на сельских рынках. Их возглавляли Аксидо и Фазир, которые называли себя «вождями святых». К циркумцеллионам, — указывает Оптат, — принадлежали и те люди, которые «из стремления к ложному мученичеству вызывали себе на свою гибель палачей, а также те, которые бросали свои жалкие души с вершин высоких гор» (III, 4).

В произведениях Августина, относящихся к концу IV — началу V в., циркумцеллионы характеризуются как люди, не занимающиеся каким-либо полезным делом, свободные от полевых работ и бродящие ради своего пропитания вокруг крестьянских клетей (*cellas circumiens rusticanas* — *C. Gaud.*, I, 28, 32), откуда они и получили имя циркумцеллионов. В другом месте Августин замечает, что все циркумцеллионы отказываются обрабатывать землю (*C. Gaud.*, I, 29, 33). Среди них были и женщины, причем, как можно судить по некоторым характеристикам Августина, для агонистиков был обязателен обет безбрачия¹. Об аскетизме агонистиков свидетельствует также сообщение современника и биографа Августина Поссидия о том, что они действовали «как бы под видом воздержанных» (*velut sub professione continentium* — *Vita August.*, 10). Августин передает, что боевым кличем агонистиков был возглас *deo laudes* и что, предаваясь «своим беззакониям», они распевали гимны (*Ep.* 108, 5, 14).

По толкованию Августином 132-го псалма мы можем судить о том значении, какое имело слово «агонистики» в христианской терминологии того времени. Указывая, что циркумцеллионы называют себя агонистиками, Августин замечает, что и правоверные католики признают это имя почетным, и связывает его со словом *agon* «состязание». «Те, которые состязаются с дьяволом, — говорит далее Августин, — и одерживают верх над ним, называются воинами Христа, агонистиками» (*Enarr. in ps.* 132, 6). Из этого замечания Августина с несомненностью вытекает, что имя, которым называли себя агонистики, должно было выразить религиозный характер их деятельности как непримиримых и воинствующих защитников «истиинной веры». В том же толковании к 132-му псалму Августин говорит, что когда католики насмеяются над еретиками (донатистами) из-за циркумцеллионов, те насмеяются над ними из-за монахов. Августин пытается доказать невозможность такого сопоставления: «сравнивают пьяных с трезвыми, неистовых с осмотрительными, бешеных с безобидными, блуждающих с собранными в одном месте» (*Enarr. in ps.* 132,3).

Полемика Августина с донатистами по вопросу о монахах свидетельствует, что роль циркумцеллионов-агонистиков в донатистском лагере представлялась современникам в какой-то мере схожей с тем положением, которое занимали в католическом лагере монахи. Моментом, объединявшим обе эти группы, могло быть, очевидно, только то, что и те и другие

¹ «Они бесстыдно не желают иметь мужей», — пишет о женщинах-агонистиках Августин (*C. litt. Petilian.*, II, 88, 195; *Ep.* 35,2).

рассматривались прежде всего как люди, посвятившие себя определенным религиозным целям и обладавшие своей организацией, обособлявшей их от светского населения. Сравнение циркумцеллионов с монахами, таким образом, явно подтверждает религиозный характер движения агонистиков.

О том же свидетельствуют и данные Августина о вооружении агонистиков. В первоначальный период их деятельности для них была характерной мотивируемая религиозными соображениями регламентация вооружения (только деревянное оружие). Дубинки, которыми агонистики были вооружены в то время, они называли термином библейского происхождения *Israheles*. Впоследствии, по словам Августина, они научились потрясать мечами и размахивать пращами, вооружились также копьями и топорами¹.

Если отбросить различные отрицательные эпитеты, которыми наделяют циркумцеллионов враждебные им церковные авторы, то в качестве наиболее характерного признака этой группы противников католической церкви выступает ее специфическая религиозная окраска. Уход от мирских дел и обязанностей — и прежде всего от работы в имении или на своем земельном участке, — провозглашение адептов своего учения святыми, непримиримость к врагам «истинной веры», аскетизм и мученичество — таковы основные особенности идеологии агонистиков. В религиозных взглядах агонистиков нельзя не видеть элементов осуждения социального гнета. Мотивируемый религиозными соображениями отказ агонистиков от работы в сельском хозяйстве выражал протест тружеников африканской деревни против роста эксплуатации, связанного с развитием колоната и увеличившимся в IV в. давлением налогового пресса.

Бегство агонистиков от полевых работ говорит об их социальном происхождении: в основной своей массе они, несомненно, принадлежали к сельскому населению. Агонистики получали в своей деятельности постоянную поддержку от жителей деревень. Августин пишет, что они «более всего страшны в полях», повсюду изгоняют католических клириков из сельской местности². Об этом же свидетельствует сообщение Августина, что агонистики получали пропитание в крестьянских клетях.

Принадлежа в своем большинстве к сельскому населению, агонистики происходили из различных социально-сословных групп. Очевидно, среди них было немало юридически свободных сельчан, закабаляемых крупными землевладельцами и ростовщиками. Об этом свидетельствует тот факт, что, по сообщениям Оптата (III, 4) и Августина (Ep. 185, 4, 15), в отдельные периоды агонистики активно выступали против ростовщиков (*creditors*), отнимали у них долговые расписки. Несомненно, многие агонистики были по своему происхождению колонами. Так, Августин упоминает о женщинах-колонах, ушедших из имения и присоединившихся к циркумцеллионам (Ep. 35, 2).

О социальной близости агонистиков к колонам свидетельствует и та поддержка, которую они встречали со стороны сельского населения, большую часть которого в Нумидии IV—V вв. составляли колоны, и их активное участие в движениях сельчан *contra possessores suos* (Aug., Ep. 108, 6, 18). Августин рассказывает также о беглых рабах, присоединившихся к агонистикам (*ibidem*). На основании этих данных мы можем предполагать, что в движении агонистиков были представлены различные слои эксплуатируемого сельского населения.

¹ Ps. *c. partem Donati*, 140—154; C. litt. Petilian., II, 88, 195; Ep. 35, 2. Ср. Н. А. Машкин, ВДИ, 1938, № 1, стр. 92.

² C. Gaud., I, 28, 32; C. litt. Petilian., II, 83, 184.

Приведенные факты позволяют согласиться с теми исследователями, которые видят в агонистиках демократическую — по своему социальному составу и идеологии — христианскую секту¹. Среди многочисленных упоминаний о циркумцеллионах, встречающихся в африканской церковной литературе IV—V веков, нет ни одного отрывка, который говорил бы о том, что они представляли собой какую-то особую категорию сельского производительного населения. Пониманию циркумцеллионов как наемных сельскохозяйственных рабочих прямо противоречит приведенное сообщение Августина об их отказе обрабатывать землю. Здесь трудно видеть полемическое преувеличение: незанятость циркумцеллионов каким-либо производительным трудом Августин подчеркивает неоднократно и считает ее одной из отличительных особенностей «людей этого рода».

Те исследователи, которые отрицают конфессиональный характер движения циркумцеллионов и видят в них особую социальную группу — наемных сельскохозяйственных рабочих, опираются, как указывалось выше, на данные декрета Гонория от 412 г., в котором циркумцеллионы упоминаются в качестве одной из категорий лиц, подлежащих наказанию за приверженность донатизму. Поскольку другие категории донатистов, перечисленные в декрете, представляют собой сословные группы (например, сенаторы, декурионы, *negotiatores*, плебеи, а также рабы и колонаты), упоминание циркумцеллионов в этом контексте обычно рассматривается как доказательство того, что они составляли особое сословие, официально признанное императорской властью. Декрет подвергает циркумцеллионов, как и различные категории свободных донатистов, денежному штрафу, рабы и колонаты, исповедующие донатизм, подлежат — первые — «внушению господина», вторые — телесным наказаниям. Из этих положений декрета нередко делается тот вывод, что циркумцеллионы принадлежали по своему происхождению к свободному населению и обладали имуществом. Свободные люди, объединившиеся в особое сословие и ведшие бродяжнический образ жизни, скорее всего могли быть кочующими сельскохозяйственными рабочими. Таковы те соображения, на которых основано распространенное в современной научной литературе представление о циркумцеллионах.

Нетрудно убедиться, что исследователи, защищающие эту точку зрения, вынуждены в той или иной степени игнорировать прямо противоречащие данные церковной литературы. Такой прием вряд ли можно признать оправданным, поскольку произведения Оптата и Августина — при всей их тенденциозности и полемических преувеличениях — обладают неоспоримой ценностью источников, вышедших из-под пера современников и участников описываемых событий. Поэтому одного краткого упоминания о циркумцеллионах в декрете 412 г. недостаточно, чтобы опровергнуть все те довольно подробные сведения о них, которые содержатся в произведениях африканских церковных авторов². Основная ошибка Сомая и других исследователей, разделяющих его точку зрения, состоит, на наш взгляд, в том, что они анализируют данные декрета 412 г. о циркумцеллионах, абстрагируясь от остальных источников по данному вопросу. Очевидно, лишь учитывая всю сумму наших сведений об агонистиках, можно добиться достаточно убедительной интерпретации этого декрета.

Н. А. Машкин, полемизируя с концепцией Сомая, предпринял в свое

¹ Наиболее последовательно развил эту точку зрения А. Д. Дмитриев (ук. соч., стр. 70), который удачно сблизил идеологию агонистиков с монетанистическими взглядами, отражавшими в христианстве идеологию неимущих слоев населения.

² W. S. H. Ford в рецензии на книгу Уормингтона (JRS, XLV (1955), стр. 203) справедливо замечает, что предположение о циркумцеллионах как о классе сезонных рабочих не объясняет религиозного характера их движения.

время попытку дать оригинальное объяснение применению термина *circumcelliones* в кодексе Феодосия. По его мнению, этот термин был взят составителем декрета из другого официального документа — решения трибуна и потария Марцеллина, специально присланного в Африку в 411 г. императорским правительством для преодоления раскола африканской церкви. В этом решении, которое подтверждало незаконность донатизма, говорилось, в частности, о толпах циркумцеллионов, находящихся в поместьях. Н. А. Машкин высказал предположение, что термин *circumcelliones* показался составителю декрета, знакомому с решением Марцеллина, удобным для обозначения низших слоев свободного сельского населения, «поскольку сословное положение их в условиях смешанного туземного и римского населения было различным». В целом *circumcelliones* в декрете 412 г. представляются Н. А. Машкину «случайным термином императорской канцелярии», примененным в другом значении, чем это слово употреблялось в Африке (ВДИ, 1938, № 1, стр. 88 сл.).

Однако такое объяснение не кажется нам убедительным. Если допустить, что составитель декрета действительно хотел выделить в особую группу «нижние слои свободного сельского населения», то он употребил бы для этого термин, достаточно ясный для исполнителей данного распоряжения. С этой точки зрения термин «*circumcelliones*» в том смысле, в каком он употреблен в сентенции Марцеллина, менее всего мог представиться удобным для обозначения свободных сельских жителей: в этой сентенции говорится о тех людях, которые знают, что они держат в своих поместьях толпы циркумцеллионов (*qui in praediis suis circumcellionum turbas se habere cognoscunt*); в том случае, если эти лица не укротят буйства циркумцеллионов, их имения должны быть конфискованы (PL, XI, стр. 1429). Составителю декрета, знакомому, по предположению Н. А. Машкина, с термином «циркумцеллионы» лишь по сентенции Марцеллина, люди, живущие в крупных поместьях и зависящие от их владельцев, конечно, менее всего могли показаться свободными сельчанами. Таким образом, попытка Н. А. Машкина свести упоминание циркумцеллионов в кодексе Феодосия к терминологической ошибке является неудачной.

На наш взгляд, упоминание циркумцеллионов в декрете наряду с сенаторами, декуррионами, плебеями и т. д. объясняется тем, что фактическое положение этой группы донатистов не позволяло включить их ни в одну из социально-сословных категорий, на которые делилось население империи. Не имея определенного места жительства и не будучи занятыми в производстве, они находились как бы вне административной системы империи. Это обстоятельство, очевидно, и побудило авторов указа 412 г. выделить их в особую категорию. Социальное происхождение агонистиков при этом не могло иметь для правительства большого практического значения. Мы не можем согласиться с мнением Соманя, что если бы циркумцеллионы вербовались из различных слоев несвободного или закабаленного населения, законодателю было бы достаточно потребовать их возвращения к своим господам или кредиторам, не облагая их денежным штрафом, как свободных людей¹. Законы, предписывающие поимку беглых рабов и колонов, существовали и до издания указа 412 года, но вряд ли они могли быть сколько-нибудь успешно применены против агонистиков, вышедших из этих слоев населения. В социальном отношении агонистики представляли собой весьма разнородную массу, к тому же они были организованы в сплоченные и довольно хорошо вооруженные отряды, имевшие многолетние традиции религиозной борьбы. В этих условиях установление социального происхождения каждого агонистика и возвра-

¹ Ch. S a u m a g n e, ук. соч., стр. 354. Ср. J.-P. B r i s s o n, ук. соч., стр. 63.

щение его в определенное именование вряд ли было для императорских властей сколько-нибудь реальным делом. De facto агонистики-циркумцеллионы были для авторов указа свободными людьми, хотя бы многие из них и являлись бывшими колонами и рабами. Этим и объясняется установление для них формы наказания, обычной для свободных — денежного штрафа.

Исследователи, видящие в циркумцеллионах наемных работников имений, ссылаются на устанавливаемую указом 412 года ответственность кондукторов и поместных прокураторов за выплату штрафа этой категорией донатистов. Этот аргумент также не представляется убедительным. Авторы указа учитывали, что, хотя агонистики не принадлежали к зависимому населению имений, но, кочуя по сельской местности, они постоянно находились на территориях, подвластных компетенции представителей поместной администрации — прокураторов и кондукторов. «Циркумцеллионы, — говорится в указе, — (должны уплатить) десять фунтов серебра. Если они не будут представлены взыскивавшему с них экзекутору кондукторами, под которыми они пребывают (*sub quibus commanent*), или прокураторами, то сами (кондукторы и прокураторы) должны быть привлечены к наказанию, так, чтобы и люди нашего дома не были освобождены от такого рода наказания»¹.

В данном случае мы имеем дело с хорошо известной особенностью позднеримского законодательства: составители императорских декретов прежде всего стремились обеспечить доходы фиску, разработать наиболее эффективные способы взимания причитающихся ему платежей. С этой целью ответственность за тот или иной вид платежа обычно распространялась на возможно большее число лиц. Авторы указа 412 г., создавая, что взимание штрафа с агонистиков встретит значительные трудности или окажется вообще невозможным, сделали ответственными за выплату этого штрафа прокураторов и кондукторов (в том числе прокураторов и кондукторов императорских имений). Не случайно в следующем антидонатистском декрете 414 года (СTh, XVI, 5, 54) вопрос о взимании штрафа непосредственно с циркумцеллионов уже не ставится, а говорится лишь об ответственности кондукторов за сходки и богослужения донатистов, происходящие на территориях арендуемых ими имений.

Таким образом, упоминание циркумцеллионов в декрете 412 года в качестве одной из категорий донатистов совсем не означает их легализации. Просто правительство, ведя борьбу с донатизмом, было вынуждено считаться с существованием особой группы его сторонников, стоявшей по существу вне сословной организации империи, и выработать по отношению к ней такие меры, которые учитывали бы специфику ее положения.

Сомань (ук. соч., стр. 357 сл.) видит доказательство сравнительно неплохого имущественного положения циркумцеллионов в двух положениях декрета, следующих непосредственно за цитированным выше отрывком: «Их жены отдельно подлежат наказанию, которое наложено на мужей. В отношении же тех, которых не исправит наложенное наказание, должна последовать конфискация всего имущества». Однако нет никаких оснований думать, что эти фразы относятся специально к циркумцеллионам, а не ко всем донатистам, перечень которых они завершают².

¹ Нельзя согласиться с Н. А. М а ш к и н ы м (ВДИ, 1938, № 1, стр. 86), который считал, что последняя фраза цитируемого отрывка относится не к циркумцеллионам, а ко всем донатистам. Категории донатистов, перечисленные в предшествующей части указа, принадлежат либо к сенаторскому сословию, либо к населению городов и таким образом не подлежат компетенции прокураторов и кондукторов.

² Ср. Н. А. М а ш к и н, ВДИ, 1938, № 1, стр. 86.

Предложенное нами толкование положений декрета 412 года о циркумцеллионах позволяет, как нам кажется, устранить то противоречие, которое усматривают обычно между кодексом Феодосия и нашим основным источником по данному вопросу — произведениями церковных авторов.

Следует отметить, что концепция Соманя и исследователей, разделяющих его точку зрения по данному вопросу, не только расходится со сведениями источников о циркумцеллионах-агонистиках, но и противоречит данным об аграрных отношениях Северной Африки IV—V вв. Представление о циркумцеллионах, как о наемных сельскохозяйственных рабочих, неизбежно приводит к заключению о массовом применении наемного труда в африканском сельском хозяйстве этого времени. Единственным фактом, который обычно приводится для обоснования этого положения, является упоминание в одной надписи (CIL, VIII, 11824) *turmae messorum*. Однако в отношении этой надписи, датируемой значительно более ранним периодом, чем конец IV — начало V в., сохраняет свою справедливость замечание Н. А. Машкина, что нельзя механически переносить отношения, характерные для II — начала III в., на время поздней империи (ВДИ, 1938, № 1, стр. 90).

Данные источников, относящиеся непосредственно к интересующему нас времени, свидетельствуют, что в сельскохозяйственном производстве поздней Римской Африки преобладающую роль играл труд прикрепленных к земле колонов. Помимо многочисленных упоминаний о колонах в юридических источниках, об этом свидетельствует весьма ценный материал, содержащийся в произведениях Августина. Этот автор, который часто упоминает о крупных частных имениях, обычно характеризует население этих имений как колонов или крестьян (*rusticani*)¹. Следует подчеркнуть, что данные Августина в большинстве своем относятся к Нумидии, которая была ареной деятельности агонистиков.

Наряду с колонами, в сельском хозяйстве поздней Римской Африки, несомненно, были заняты и рабы². Упоминание о сельских рабах мы встречаем в двух относящихся к Африке императорских указах IV века. В одном из них, датированном 319 г., говорится об имениях и рабах (*possessiones atque mancipia*) фиска, подаренных частным лицам (CTh, X, 1, 2). В другом указе — от 346 г. — устанавливается порядок использования имущества, конфискованного у государственных преступников. Движимое имущество, в том числе городских рабов (*mancipia urbana*), разрешается передавать людям, имеющим заслуги перед императором. Сельские рабы, земельная собственность и дома (*mancipia autem rustica et possessiones et domus*) преступников переходят к фиску (CTh, X, 8, 4). В обоих случаях сельские рабы рассматриваются как необходимая принадлежность имения: они дарятся вместе с землей и включаются в ту же категорию имущества, что и недвижимая собственность. Очевидно, речь идет о рабах, посаженных на землю (*servi casati*) и приписанных к имению, использование которых вообще было, как известно, характерным для крупных имений поздней империи. Симмах называет в одном из писем (Ep., V, 87) работников своего африканского имения «обязанными рабами» (*obnoxii servi*). Из письма видно, что они выплачивали Симмаху оброк в денежной форме, т. е. вели самостоятельное хозяйство. Такого рода рабы, используемые как прикрепленные к земле держатели земельных участков, отли-

¹ August., Ep. 35,2; 46; 58,1; 65,1; 66; 105,2,4; 247; C. Crescon., 47, 51; C. litt. Petiliani, II, 83, 184.

² August., Ep. 108, 6,18; 185, 4, 15; Sermo 156, 3; 6; 7; Optat., III, 4; Symmach., Ep., V, 87; Vita Melaniae; Cp. S. Gsell, Esclaves ruraux dans l'Afrique Romaine, «Mélanges Glotz», I (1932), стр. 397—415.

чались от колонов лишь юридическим положением, но не местом в производстве.

Преобладающая роль труда колонов и посаженных на землю рабов в сельском хозяйстве поздней Римской Африки позволяет думать, что типичным для крупных африканских имений этого времени было оброчное хозяйство¹. С этим выводом трудно совместить предположение о массовом применении наемного труда: держатель небольшого земельного участка — колон или *servus casatus* — в подавляющем большинстве случаев, вероятно, сам вынужден был справляться со своим хозяйством². В источниках мы крайне редко встречаемся с данными о применении наемного труда. Это дало основание Гзелю, специально исследовавшему этот вопрос, прийти к выводу о незначительной роли свободного труда в Римской Африке.

Отдельные упоминания о наемных работниках в африканской церковной литературе не позволяют думать, что их использование в сельском хозяйстве имело сколько-нибудь массовый характер. «Тот, кто хочет вскопать свой виноградник, — пишет, например, Оптат, — нанимает за удобную (ему) плату работника (*operarium placita mercede conducit*), чтобы он, согнув спину и обливаясь потом, сделал углубления в земле, в которые он сажает отобранные им ростки и по вырытым канавам подводит воду» (V, 7). О работе за плату на виноградниках упоминает также Августин (*Enarr. in ps. 93, 12*). В данном случае речь идет о трудоемких работах по орошению и освоению под виноград сухих участков. Очевидно, необходимость применения в таких случаях дополнительной рабочей силы чаще всего могла вставать перед владельцами небольших участков, которым не хватало при орошении виноградников рабочих рук, постоянно занятых в хозяйстве. Собственники крупных имений для обводнения своих владений могли использовать рабов и колонов³. Таким образом, данные источников об аграрных отношениях Римской Африки IV—V веков позволяют говорить лишь об эпизодическом применении наемного труда в мелком производстве, что, очевидно, исключает возможность существования постоянных массовых контингентов наемных рабочих.

Вместе с тем данные об аграрных отношениях поздней Римской Африки, в особенности Нумидии, приводят к заключению, что именно из рабов и колонов, составивших основную массу сельского населения, могли главным образом формироваться отряды агонистиков.

Подводя итог нашему исследованию о содержании термина «циркумцеллионы-агонистики», мы можем заключить, что они не составляли особой социальной группы — наемных сельскохозяйственных рабочих; это были люди различного социального происхождения, посвятившие себя целям религиозной борьбы и объединившиеся в кочующие отряды.

Мы располагаем сравнительно немногочисленными сообщениями источников об участии агонистиков в восстаниях сельского населения. Таких сообщений всего три: рассказ Оптата (III, 4) о выступлениях агонистиков против землевладельцев и кредиторов в Нумидии в 40-х годах IV в. и два отрывка из переписки Августина (Ep., 108, 6, 18—409 г. и Ep. 185, 4, 15—20-е гг. V в.). Несмотря на то, что эти сообщения составляют лишь небольшую часть данных об агонистиках, содержащихся в церковной литературе IV—V вв., они были положены в основу той трактовки деятель-

¹ Мнение Гзеля (ук. соч., стр. 401 слл.) о палиции в составе имений поздней Римской Африки земли, находившейся в личном пользовании собственника и обрабатывавшейся рабами, является, по признанию самого автора, гипотетичным и не подтверждается данными источников.

² Ср. Н. А. М а ш к и н, ВДН, 1938, № 1, стр. 90.

³ Об использовании труда колонов для освоения земли под виноградники свидетельствуют положения *lex Manciana* и *lex Hadriana* (CIL, VIII, 25902 и 25943).

ности агонистиков которая, обычно дается в нашей литературе. В учебниках и общих курсах движение агонистиков, как правило, отождествляется с борьбой народных масс Римской Африки против социального гнета, с восстаниями рабов и колонов¹. На наш взгляд, здесь имеет место ошибочное смешение действительно массовых выступлений низших слоев сельского населения Северной Африки, засвидетельствованных указанными сообщениями Оптата и Августина, с более узкой по своему значению деятельностью религиозной секты агонистиков, которая заключалась не только в участии в таких массовых восстаниях и не всегда носила одинаковый характер.

А. Д. Дмитриев, которому принадлежит более четкое определение агонистиков как демократической христианской секты, избег этой ошибки. Однако и он оценивает деятельность агонистиков только с точки зрения их руководящего участия в восстаниях, характеризуя их секту как «революционную организацию эксплуатируемых масс» (ВДИ, 1948, № 3, стр. 71).

Нам представляется, что такого рода определения, совершенно верно вскрывая тесную связь идеологии и деятельности агонистиков с интересами трудящихся слоев населения, вместе с тем недостаточно учитывают некоторые существенные особенности этой деятельности, обусловленные ее специфическим религиозным характером, трактуют ее несколько упрощенно. Для всесторонней оценки движения агонистиков представляется необходимым изучить всю совокупность сообщений источников, характеризующих их деятельность, не ограничиваясь только данными об их участии в восстаниях сельского населения.

В этой связи представляет бесспорный интерес вопрос об отношениях агонистиков с донатистской церковью. Н. А. Машкин считал агонистиков «радикальной и наиболее активной группой донатизма со своей особенной организацией»². Противоположную точку зрения отстаивает А. Д. Дмитриев. По его мнению, агонистики ни организационно, ни идеологически не были связаны с донатизмом. Эти два течения лишь протекали одновременно, хронологически связывались и политически временами сливались одно с другим, но имели совершенно разные цели и социальную направленность (ВДИ, 1948, № 3, стр. 67).

Писавший в V в. католический африканский епископ Поссидий дает следующую общую характеристику движения агонистиков: «Донатисты имели почти по всем своим церквам неслыханный род дурных людей и насильников, ... которые назывались циркумцеллионами. И они пребывали в громадном количестве в шайках почти во всех африканских областях... Вооруженные различным оружием, бродя по полям и виллам, не боясь доходить до кровопролития, часто не щадили ни своих, ни чужих... Благодаря этому, донатисты вызвали ненависть к себе даже у своих сторонников» (Vita August., 10).

Указывая, таким образом, подобно Оптату и Августину, что агонистики были организованы в бродячие отряды, Поссидий вместе с тем подчеркивает, что они группировались вокруг донатистских церквей. Зависимость агонистиков от донатистского клира явно выступает в событиях 347 года в Нумидии, о которых рассказывает Оптат. По сообщению этого автора, император Констант, стремясь подорвать влияние донатистской ереси на широкие слои африканских христиан, направил в Африку специальную миссию в составе Павла и Макария. Официальной целью миссии было вос-

¹ См., например, Н. А. М а ш к и н, История древнего Рима, 1949, стр. 632; С. И. К о в а л е в, История Рима, Л., 1948, стр. 717; «История средних веков», т. I, 1952, стр. 57.

² ИМ, 1935, № 1, стр. 42 слл.; ВДИ, 1938, № 1, стр. 83.

становление единства африканской церкви путем мирного убеждения верующих. Агитацию за единство предполагалось дополнить массовой раздачей денег бедным христианам, для чего Павел и Макарий везли с собой соответствующую сумму. Руководство донатистской церкви во главе с епископом Донатом Карфагенским заняло непримиримую позицию в отношении целей и методов миссии. Перед местным донатистским духовенством Донат поставил задачу не допустить раздачи милостыни Павлом и Макарием (*Optat.*, III, 3). Донатистский епископ нумидийского города Багаи, пытаясь не допустить императорских уполномоченных в город, прибег к помощи агонистиков. По сообщению Оптата, он разослал вестников по окрестным местам и рынкам, созывая агонистиков в город. В помощи миссии комитом Сильвестром по просьбе Макария был выделен военный отряд. Солдаты, посланные для расквартирования отряда в городе, были избиты собравшимися там агонистиками. После этого против восставших была применена вооруженная сила, многие были перебиты (*Optat.*, III, 4).

Мы видим, что в 347 г. действия агонистиков вполне совпадали с целями донатистского духовенства. Сопrotивление миссии Павла и Макария было официальной позицией донатистской церкви, сформулированной и предписанной местному клиру Донатом Карфагенским.

Судя по произведениям Августина, агонистики в его время действовали в большинстве случаев совместно с донатистскими клириками или под их руководством. Он пишет, обращаясь к донатистам, о шайках их циркумцеллионов и клириков (*C. Cresc.*, III, 42, 46 и 47, 51), указывает, что циркумцеллионы «сражаются свирепыми толпами под вашим (донатистов) руководством» (*C. litt. Petilian.*, II, 83, 134). По словам Августина, жестокость агонистиков доставляет донатистским клирикам устрашающую защиту от преследований. Он указывает, что издание законов против донатистов было вызвано террором циркумцеллионов (*C. Crescon.*, III, 43, 47). В некоторых письмах Августина пишет о донатистских клириках и циркумцеллионах, подвергнутых суду за убийство католических священников (*Ep.* 133, 1; 134).

По мнению А. Д. Дмитриева, Августин, желая скомпрометировать своих противников — донатистов, связал их с агонистиками. Разумеется, интересы внутрицерковной борьбы могли побуждать Августина к известным передержкам, тем более что донатистские епископы, полемизируя с католиками, отрицали свои связи с агонистиками (*Aug.*, *S. ep. Parmen.*, I, 11, 17). Тем не менее, не приходится целиком отрицать достоверность данных Августина и других источников, характеризующих отношения между агонистиками и донатистской церковью, так как свои обвинения против донатистов Августин подкрепляет конкретными эпизодами церковной борьбы, наглядно иллюстрирующими характер деятельности агонистиков. «Мы повседневно испытываем невероятные злодеяния ваших клириков и циркумцеллионов, — пишет Августин, обращаясь к донатистам. Вооруженные всевозможными страшными орудиями, они ужасным образом разрушают — не говорю уже церковный, — но общечеловеческий мир и покой. Ночными набегами вторгаясь в дома католических клириков, они... бросают клириков, ограбленных, избитых до полусмерти дубинками и израненных железным оружием» (*C. Crescon.*, III, 42, 46). В произведениях Августина мы находим много примеров террористических действий, направленных против католического духовенства, которые осуществлялись донатистами с помощью отрядов агонистиков¹.

Донатистское духовенство широко использовало секту агонистиков для проведения террора против католической церкви. Террористические

¹ *C. Crescon.*, III, 43, 47; 46, 50; 48, 53; *Ep.* 29, 133 и 134.

акты были одним из важнейших методов, с помощью которых донатисты подрывали позиции официальной церкви. В обращении карфагенского собора 404 года к императору Гонорию говорилось о жестоких преследованиях, которым подвергается католический клир со стороны циркумцеллионов, о разорении ими католических церквей (PL, XI, стр. 1203).

Приведенные данные показывают, что деятельность агонистиков была тесно связана с борьбой донатистов против католической церкви¹. По-видимому, уже в начальный период этой борьбы донатистский клир широко прибегал к помощи вооруженных сектантов. В письме Константина африканскому духовенству от 317 года говорится о бедствиях, которые испытывают католики «от жестокости такого рода людей» (PL, XI, стр. 794). Поскольку католическое духовенство могло рассчитывать на поддержку императорских властей, донатисты были заинтересованы в создании своих боевых дружин, способных вести активные действия против официальной церкви.

Мы не имеем данных о времени возникновения секты агонистиков. Возможно, — как это предполагает А. Д. Дмитриев (ВДИ, 1948, № 3, стр. 66 слл.), — что она существовала уже в III в. Не исключено также, что непосредственным толчком к ее созданию послужил переход африканской церкви на позицию поддержки римского государства и возникновение раскола. Как бы то ни было, порожденная определенными историческими условиями религиозная окраска движения агонистиков побуждала их видеть главного врага в освящавшей существующий социальный строй католической церкви. Поскольку против этой церкви вело ожесточенную борьбу донатистское духовенство, агонистики, естественно, видели в нем своего союзника.

На наш взгляд, нельзя отрицать и известную связь идеологии донатизма с религиозными взглядами агонистиков. В своем историческом развитии донатизм воспринял немало черт демократического христианства, что помогало ему завоевывать себе сторонников среди неимущих слоев населения (см. ниже). Если агонистики проповедовали добровольное мученичество, то донатистское духовенство активно поддерживало эту идею, пытаясь создать своей церкви репутацию «мученической». Феодорит Кирский, описывая донатистскую ересь, характеризует ее чертами, которые Опат приписывает агонистикам: он пишет, что донатисты склонны к добровольному мученичеству, кончают жизнь самоубийством, бросаясь со скал или, подстерегая по дороге путников, заставляют их убивать себя (PG, LXXXIII, стр. 423). Видимо, современники не проводили резкой грани между донатистами и агонистиками.

Из истории африканской церкви известно, что донатисты вели ожесточенную борьбу с отколовшимися от них сектами, с которыми они расходились по тем или иным вопросам, но агонистики никогда не рассматривались донатистами как еретическая секта. Судя по сообщению Опата, что агонистиков хоронили в донатистских церквях, они считались адептами донатизма. Рассказывая об обращении к агонистикам донатистского епископа Макробия, Августин сообщает, что он был более разгневан на их дела, чем радовался их послушанию (Ер. 108, 5, 14). Очевидно, агонистики считали донатизм своей религией, а донатистских проповедников соответственно рассматривали как духовных пастырей. В богословском отношении агонистики отличали себя от остальных донатистов только своей ролью

¹ Деятельность агонистиков приобретала самостоятельный характер, когда во время массовых восстаний они выступали с оружием в руках против эксплуатации. В этих случаях донатистские епископы порывали с агонистиками, что не мешало восстановлению — после подавления восстаний — прежних отношений. Подробнее об этом см. ниже.

«борцов», «святых», воинствующих защитников «истинной веры». С этим были связаны и другие черты идеологии агонистиков: отказ от работы в собственном или господском хозяйстве, аскетизм, мученичество. Они как бы отрешались от всех мирских дел и соблазнов, чтобы всецело подчинить себя одному: борьбе за чистоту веры.

Приведенные факты, как нам кажется, достаточно убедительно доказывают тесную связь, существовавшую между движением агонистиков и донатистской церковью. Какое значение имеет это обстоятельство для оценки деятельности агонистиков? Для ответа на этот вопрос необходимо хотя бы кратко остановиться на характеристике некоторых особенностей донатизма, которые имеют непосредственное отношение к интересующему нас вопросу.

Раскол африканской церкви, приведший к возникновению донатизма, был неизбежным следствием изменения социальной роли христианства, которое в ходе своего исторического развития постепенно превратилось из идеологии угнетенных и эксплуатируемых в орудие оправдания классового гнета и эксплуатации. Не случайно возникновение раскола совпало с тем временем, когда в связи с новой религиозной политикой Константина христианская церковь перешла на позиции поддержки императорской власти. Широкие массы трудящихся продолжали придерживаться наиболее радикальных сторон христианской идеологии, направленных против социальной несправедливости, противопоставляя их учению ортодоксальной церкви. Донатизм, несомненно, отражал в известной мере эту борьбу различных классовых тенденций внутри христианства. Весьма характерно, что уже с момента возникновения раскола руководители донатистской церкви выдвинули в качестве основного лозунга непримиримое отношение к *traditores*, т. е. к христианам, предавшим интересы своих общин в период их преследования римскими властями. Поддержать этот лозунг могли, очевидно, главным образом представители демократического слоя верующих, настроенные наиболее непримиримо по отношению к любому компромиссу со светской властью. Позднее идеологи донатизма подчеркивали демократический характер своей церкви, представляя ее как «церковь бедных»¹. В конце IV — начале V в. наиболее многочисленную группу сторонников донатизма составляли, судя по произведениям Августина, колонны императорских и частных имений².

Ж.-П. Бриссон выдвинул своеобразную концепцию социальной эволюции донатизма. По его мнению, в первый период своего существования донатизм опирался преимущественно на зажиточные слои городского населения. Впоследствии к донатизму все в более широкой мере стали примыкать трудовые слои африканской деревни, которым он представлялся христианством, оппозиционным светской власти. После преследований донатистов императором Константом донатизм становится главным образом «идеологией жакерии», опирается на социальный протест сельского населения (ук. соч., стр. 65—67). На наш взгляд, Бриссон вполне прав в своем объяснении причин популярности донатизма в широких слоях трудящихся. С 40-х гг. IV в. донатистская церковь стала занимать все более враждебную позицию по отношению к римской императорской власти. Это обстоятельство, а также в известной мере демократическая демагогия донатистского клира обеспечили ему успех в борьбе с католической церковью за влияние на широкие массы африканских христиан —

¹ «Вы не перестаете истязать нас — честных бедняков, — писал донатистский епископ Петилиан, обращаясь к католикам, — я говорю о мирской бедности, ибо нет среди нас бедных божественным милосердием» (A u g., C. litt. Petilian, II, 92, 202).

² Ср. W a r m i n g t o n, ук. соч., стр. 76 слл.

представителей эксплуатируемых классов. Но если африканских рабов и колонов влекла к донатизму их ненависть к существовавшему социальному и политическому строю, это еще не означает, что донатизм действительно был идеологией эксплуатируемых масс, выражавшей — хотя бы в форме абстрактных религиозных построений — их коренные интересы в борьбе с эксплуатацией. Используя для подрыва влияния католического духовенства настроения эксплуатируемых масс, сама донатистская церковь была далека от какой-либо борьбы против социального гнета. В идеологии донатизма мы не встретим каких-либо элементов протеста против социальной несправедливости, столь характерных для раннего христианства. В этом отношении донатистская ересь мало чем отличалась от ортодоксального христианства IV—V веков. По справедливому замечанию Н. А. Машкина (ИМ, 1935, № 1, стр. 50), «бедность» донатистской церкви была весьма относительной: так же, как и католическая, она была крупным землевладельцем и эксплуатировала труд рабов и колонов. Августин сообщает, что донатистские епископы, чтобы сохранить за собой управление поместьями своей церкви, нередко жертвовали своей верой и переходили в католицизм (Ер. 185, 9, 36). За счет упрочения имущественного положения донатистской церкви обогащалась верхушка донатистского клира. Донатистский епископ Каламы Криспин купил эмфитевтекарное имение, в котором было не менее восьмидесяти колонов (Aug., C. litt. Petiliani, II, 83, 184).

Не только в начальный период существования раскола, как полагает Бриссон, но и в конце IV — начале V в. среди последователей донатизма было немало представителей имущих слоев населения. Об этом свидетельствует, например, выработанное в этот период императорским законодательством установление, согласно которому донатистам запрещалось передавать и принимать какое-либо имущество по завещанию или путем дарения. Августин приводит пример одной донатистки, сестры знатного человека (*homo nobilis*), которая завещала свое имущество различным предстателям своей веры. По просьбе ее брата, который был католиком, ее завещание, в силу упомянутого закона, было признано недействительным, а все имущество передано ему (C. ep. Parmen., I, 12, 19).

Целый ряд фактов свидетельствует о том, что с конца IV в. все более активную роль в донатистском движении начинают играть представители господствующего класса африканских провинций — крупные землевладельцы, члены сенаторского сословия. В указе Грациана от 377 года говорится о противозаконных сборищах донатистов в больших домах и поместьях (*loca magna domorum seu fundorum illicito frequentantes*) и предписывается конфисковывать такие поместья (CTh, XVI, 6, 2). В обращении карфагенского собора 404 года к императору Гонорию говорилось, что посессоры не оказывают защиты католическим церквям, а распоряжение о взимании штрафа с тех землевладельцев, в имениях которых собираются донатисты, не проводится в жизнь (PL, XI, стр. 1203).

Особенно показателен в этой связи тот факт, что в этот период к донатизму начинают примыкать некоторые представители бюрократической и военной верхушки африканских провинций. В 90-х гг. IV в., когда донатистская церковь вела борьбу с отколовшейся от нее сектой максиминистов, римские власти оказали донатистам прямую поддержку, предоставили в их распоряжение солдат¹. В письме к сенатору Целеру, который одно время был проконсулом Африки (CTh, XII, 1, 185 и 186), Августин убеждал его отказаться от донатистской ереси и перейти в католицизм (Ер. 56).

¹ A u g., Advers. Fulgent. 24; C. ep. Parmen., I, 10, 16 и 13, 20.

В антидонатистских декретах 412 и 414 годов в числе лиц, подлежащих наказанию за исповедывание донатизма, упоминаются высшие чиновники провинциального управления: проконсулы, викарии и комиты первого ранга; сенаторы (СГh, XVI, 5, 52 и 54). Весьма характерно, что уже после разгрома донатистского движения в правление Гонория его продолжали поддерживать наиболее могущественные земельные магнаты. В письме к комиту Бонифацию, относящемся к 20-м гг. V в., Августин говорит о трудностях борьбы с донатизмом в тех местах, где его защищают толпы людей, подчиненных влиянию немногих могущественных лиц (*turbae auctoritati paucorum potentiorum subditae in malam partem obtemperarent* — Ep. 185, 7, 30). Речь здесь идет, по всей видимости, о крупных землевладельцах-донатистах, не допускаящих католических клириков на территории своих владений.

В рамках настоящей статьи мы не можем более подробно анализировать вопрос о социально-политической направленности донатизма. Можно полагать, что в конце IV — начале V в. вокруг донатистской церкви объединились сепаратистски-настроенные представители господствующего класса африканских провинций, которых привлекала в донатизме его оппозиционность императорской власти и его влияние в широких слоях населения. Во всяком случае, из приведенных фактов ясно, что цели донатистского движения были далеки от специфических классовых интересов эксплуатируемых слоев населения.

Деятельность агонистиков и их отношения с донатистской церковью во многом носили противоречивый характер. Было бы ошибкой видеть в агонистиках слепых исполнителей воли донатистского клира. Будучи связаны по своему социальному происхождению и настроениям с широкими слоями эксплуатируемого сельского населения, они в периоды массовых аграрных движений колонов, рабов и закабаляемых земледельцев примыкали к этим движениям. Боевая организация агонистиков, их непримиримость к врагам позволяли им в отдельных случаях выступать в роли идеологов и руководителей борьбы масс против эксплуататорских отношений. Деятельность агонистиков нередко вызывала недовольство состоятельных донатистов (Possid., Vita August., 10). Участие агонистиков в восстаниях сельского населения приводило к их разрыву с донатистским клиром: донатистские епископы предавали своих вчерашних союзников, призывая против них римские войска (Optat., III, 4; ср. August., Ep. 108, 5, 14).

Однако основная направленность деятельности агонистиков сводилась к борьбе с католической церковью, не сопровождавшейся в большинстве случаев прямыми выступлениями против тех отношений, которые эта церковь защищала. Совершенно несомненно, что католические писатели, стремясь скомпрометировать донатистов, старались перечислить все известные им «противозаконные» действия агонистиков. Между тем в их произведениях сравнительно редко встречаются упоминания о выступлениях агонистиков против господствовавших социально-экономических отношений. Подавляющее большинство фактов о деятельности агонистиков, приводимых у Оптата, Августина и в других источниках, относится к чисто религиозной борьбе. В этом сказалась зависимость агонистиков от донатистской церкви, связанной с интересами части господствующего класса Римской Африки и враждебной поэтому борьбе масс против эксплуатации.

Деятельность и идеология секты агонистиков, несомненно, отражали настроения угнетенного слоя сельского населения: рабов, колонов, сельчан, закабаляемых ростовщиками и крупными землевладельцами. Богословская ересь, религиозное сектанство были в условиях поздней Римской Африки совершенно естественными формами классовой борьбы. В этом отношении движение агонистиков, как уже отмечалось в нашей ли-

тературе, во многом находит некоторые средневековые ереси. Однако было бы ошибкой объявлять любую ересь, черпавшую своих адептов из эксплуатируемых слоев населения и так или иначе выражавшую настроения этих слоев, организацией борьбы против эксплуатации и тем более «революционной организацией». Ф. Энгельс чрезвычайно верно подметил важнейшую особенность тех средневековых ересей, которые являлись выражением революционных настроений крестьянства: их самостоятельный классовый характер. Он отмечал, что крестьянская ересь развилась в «...резко выделяющееся партийное воззрение...» и почти всегда сочеталась с восстанием¹.

Но секта агонистиков, несмотря на ее активное участие в отдельных восстаниях сельского населения, все же не выделилась в ходе своего исторического развития в организацию, до конца отстаивавшую самостоятельные интересы эксплуатируемых классов в социальной борьбе IV—V вв. В большинстве случаев агонистики выступали лишь как боевой отряд донатистской церкви. Некоторые сообщения источников позволяют думать, что и в материальном отношении агонистики нередко зависели от донатистского духовенства или состоятельных светских донатистов. Так, по Посидию, «донатисты имели... циркумцеллионов почти по всем своим церквям» (*Vita August.*, 10). В сентенции представителя римского правительства на карфагенском соборе 411 года Флавия Марцеллина говорится о лицах, которые держат в своих имениях толпы циркумцеллионов (*qui in praediis suis circumcellionum turbas se habere cognoscunt*) (PL, XI, стр. 1420). В данном случае речь может идти о донатистских епископах, а также о крупных землевладельцах-донатистах — тех могущественных людях (*potentiores*), о которых говорит Августин в цитирувавшемся выше письме к Бонифацию (Br. 185, 7, 30). Отряды агонистиков, состоявшие из людей, оторванных от производительной деятельности, вынуждены были снискивать себе пропитание «в крестьянских клетях», либо в имениях донатистской церкви, ее епископов и земельных магнатов-донатистов. Последнее обстоятельство, разумеется, могло только усилить зависимость агонистиков от верхушки донатистского клира и от наиболее состоятельного слоя донатистов.

На наш взгляд, нет оснований приписывать агонистикам какую-то четкую социальную программу. Данные источников об идеологии агонистиков позволяют судить лишь об их аскетизме и отрешенности от мирских дел и забот. Те исследователи, которые считают несомненным, что в основе учения агонистиков лежала «идея равенства всех и общности имущества»², либо, что их идеалом было «основанное на уравнилельных началах патриархальное крестьянское хозяйство»³, видимо, основываются не столько на материале источников, сколько на общих представлениях об идеологии демократических христианских сект.

Приведенные данные позволяют более точно определить место и роль движения агонистиков в классовой борьбе поздней Римской Африки. Это движение, несомненно, являлось выражением протеста эксплуатируемых слоев населения против социального гнета. Однако главным в деятельности агонистиков была не вооруженная борьба против существовавшего эксплуататорского строя, но атаки на поддерживавшую и оправдывавшую этот строй католическую церковь. Классовую направленность борьбы агонистиков значительно снижало то обстоятельство, что они действовали в тесном союзе с донатистской церковью, а часто и в прямой зависимости от нее. В отдельные периоды подъема массовых движений эксплу-

¹ Ф. Энгельс, *Крестьянская война в Германии*, Госполитиздат, М., 1952, стр. 36.

² А. Д. Дмитриев, *ук. соч.*, стр. 71.

³ Н. А. Машкин, *ВДИ*, 1938, № 1, стр. 92.

атируемых слоев населения агонистики выходили за узкие рамки религиозной борьбы и становились во главе восстаний (см. об этом подробнее ниже).

Противоречивый и во многом непоследовательный характер деятельности агонистиков порождался, в первую очередь, незрелостью классового сознания трудящихся африканской деревни. Разрозненные, разобщенные по отдельным имениям и кастиллям массы колонов, рабов и закабалиемых сельчан, конечно, не могли создать свою «революционную организацию», последовательно отстаивавшую их интересы в классовой борьбе. Нельзя преувеличивать организованность и целенаправленность африканских аграрных движений IV—V вв. Судя по сообщениям Оптата и Августина, восставшие действовали путем набегов на имения и нападений на отдельных землевладельцев и ростовщиков, они не ставили своей целью захват городов, устранение римской администрации и установление своих органов власти. Эти восстания, вспыхивавшие в отдельных районах Нумидии, очевидно, носили местный характер и в большинстве случаев без особого труда подавлялись римскими войсками¹.

В нашей литературе восстания сельского населения в поздней Римской Африке часто расцениваются как проявление «революции рабов». Например, Н. А. Маликин относил движение агонистиков «к последнему этапу революции рабов» (ВДИ, 1938, № 1, стр. 92). По его мнению, «рабы играли ведущую роль в движении... Колоны выступали не в качестве главных участников движения, а скорее как союзники восставших рабов» (ВДИ, 1949, № 4, стр. 54). Однако данные источников о социальном составе и направленности аграрных движений IV—V вв. не дают основания для подобных заключений. Рассмотрим эти данные.

В связи со своим рассказом о сопротивлении донатистского епископа города Багаи миссии Павла и Макария Оптат сообщает о событиях, имевших место в Нумидии незадолго до этой миссии. По его словам, агонистики бродили в то время по разным местам во главе с Аксидо и Фазиром, которые называли себя «вождями святых». В это время ни один землевладелец не чувствовал себя в безопасности в своем имении, ни один кредитор не мог взимать долг. «Всех устрашали их письма, — пишет Оптат, —... и если медлили с исполнением их приказаний, внезапно налетала безумная толпа (*multitudo insana*), и кредиторы были окружены опасностью... Каждый спешил покинуть даже самых больших домов, и прибыль считалась потерянной благодаря их беззакониям». Далее Оптат рассказывает, что агонистики выбрасывали на дорогах господ из их колясок, сажали на их место рабов, а господ заставляли бежать впереди, подобно рабам. «Их (агонистиков) судом и властью сменялось положение господ и рабов» (...*inter dominos et servos condicio mutabatur*). Оптат отмечает, что действия агонистиков вызвали недоброжелательство по отношению к донатистскому духовенству. Поэтому донатистские епископы обратились с

¹ Например, восстание 40-х гг. IV в., о котором сообщает Оптат (III, 4). Менее ясен ход восстаний V века, так как Августин не дает последовательного описания связанных с ними событий. Возможно, что с тем восставшим, о котором идет речь в письме Августина от 409 г. (Ep. 108,6,18), связано краткое сообщение «Галльской хроники» о том, что в 408 г. комит Африки Поани был убит народом (*Monumenta Germaniae Historica, auctores ant., IX, стр. 652*). Однако никаких прямых подтверждений этого предположения мы не имеем. А. Д. Дмитриев, Социальные движения в Римской империи... (машинопись докторской диссертации), Черновцы, 1949, стр. 509 слл. считает, что в 405—410 гг. в Нумидии развернулась цепь восстаний рабов и «сельской бедноты» и локализует эти восстания различными нумидийскими городами. Однако эта локализация не обоснована, поскольку А. Д. Дмитриев квалифицирует как «восстания рабов и бедноты» отдельные террористические акты донатистов и агонистиков против католических клириков, о чем свидетельствуют приводимые им ссылки на источники.

просьбой к комиту Таурину «об установлении порядка». Агонистики были во множестве перебиты солдатами на рынках (*per nundinas*) и в местечке Октавензис (*in loco Octavensi*), причем донатистские епископы запретили хоронить их в своих церквах.

Сообщение Оптата позволяет сделать вывод, что в 40-х годах IV в. агонистики возглавляли в Нумидии массовое движение сельского населения, направленное против землевладельцев и ростовщиков. Их деятельность в этот период носила ярко выраженный социальный характер: они выступали с оружием в руках против эксплуататорских отношений, господствовавших в африканской деревне.

Следующее по времени сообщение о восстании сельского населения, происходившем под руководством агонистиков, принадлежит Августину. В одном из писем, относящихся к 409 г., Августин пишет, что дерзость крестьян обратилась против землевладельцев (*contra possessores suos rusticana erigatur audacia*), беглые рабы отчуждаются от господ, угрожают им и грабят их под предводительством циркумцеллионов, которые при возгласах *deo laudes* проливают чужую кровь (Ер. 108, 6, 18). В другом письме, относящемся к 20-м гг. V в., Августин рассказывает, что агонистики разрушали винные погреба, отнимали долговые расписки у кредиторов и возвращали их должникам, «уничтожали документы на наихудших рабов, чтобы они уходили в качестве свободных». Августин отмечает, что императорские гражданские власти были бессильны в борьбе с агонистиками, а фискальные чиновники в районах их действий не могли взыскивать налоги. «Кто осмеливался хотя бы угрожать виновнику?... Какой официал дышал в их присутствии? Какой сборщик податей взыскивал то, чего они не хотели?» Агонистики избивали землевладельцев, оказывавших им сопротивление, сжигали их дома (Ер. 185, 4, 15).

Судя по приведенным сообщениям Оптата и Августина, основным социальным слоем, против которого выступали участники движения, были владельцы имений и кредиторы. Восставшие боролись также против налоговой эксплуатации, стремились помешать деятельности государственного фискального аппарата. Из этих данных можно заключить, что основную массу восставших составляли колонны и закабаленный слой свободных сельчан. Об этом же свидетельствует принадлежащая Августину наиболее общая и лаконичная оценка восстания, как проявления «дерзости сельчан» (*rusticana audacia*) *contra possessores suos* (Ер. 108, 6, 18). Под *rusticani*, восстающими против своих possessоров, Августин мог иметь в виду прежде всего колоннов, которые, как отмечалось выше, составляли основную массу трудового населения нумидийских частных имений. Противопоставление колонн — possessор вообще характерно для терминологии Августина, в то время как рабу (*servus*) обычно противопоставляется *dominus*¹.

По сообщениям Оптата и Августина, восставшие боролись против кредиторов, уничтожали долговые расписки. По справедливому предположению Н. А. Машкина (ИМ, 1935, № 1, стр. 25 сл.) движение за уничтожение долгов было, в первую очередь, направлено против крупного землевладения, поскольку последнее закрепощало сельское население путем долговой кабалы. Однако в то же время надо учитывать, что в Африке, очевидно, был широко распространен ростовщический капитал, не связанный с земельной собственностью. В указе Аркадия и Гонория проконсулу Африки ростовщики (*studentes fenori*) причисляются к категории дельцов (*negotiatores*) и обявляются платить установленный для этой категории

¹ См., например, *A u g u s t .*, Ep. ad cathol., 20, 53: *nam cotidie videmus et filium de patre tamquam de persecutore suo conqueri et coniugem de marito, et servum de domino et colonum de possessore...*

специальный налог (СTh, XIII, 1, 18). Возможно, что в Нумидии, где значительная часть колонов сидела на императорских землях и, следовательно, обладала известной экономической самостоятельностью, необходимость уплаты государственных налогов приводила таких колонов к кабальным займам у местных ростовщиков. Таким образом, в борьбе за уничтожение долгов, наряду с сельчанами, закабальемыми поссессорами, могли участвовать и некоторые группы колонов.

Приведенные данные говорят о том, что африканские аграрные восстания IV—V вв. были движением различных слоев сельского населения, подвергавшихся эксплуатации со стороны крупных землевладельцев, ростовщиков и государства. В то же время восставшие широко практиковали освобождение рабов, которые затем нередко примыкали к движению (Optat., III, 4; Aug., Ep. 108, 6, 18, и 185, 4, 15). И колонам, и сельским рабам (*mancipia rustica*) противостояла в качестве эксплуататора их труда одна и та же социальная группа — владельцы имений, естественно поэтому, что рабы принимали участие в восстаниях сельского населения против поссессоров.

Однако в источниках нет никаких данных, которые могли бы подтвердить вывод о руководящей роли рабов в восстаниях. Характер мероприятий, проводимых восставшими, не позволяет думать, что освобождение от рабства было их основной целью. Optat (III, 4) рассказывает об «ужасных письмах», которые руководители восстания 40-х годов IV в. в Нумидии направляли поссессорам. Поскольку далее он сообщает, что в период восстания всякая прибыль считалась потерянной, мы можем заключить, что эти письма содержали требования о выдаче денег и натуральных продуктов, составлявших доход собственников имений. В рассматриваемый период основной формой эксплуатации колонов и посаженных на землю рабов было получение с них денежного и натурального оброка. При этой форме поссессор противостоял работнику имения прежде всего как претендент на львиную долю продукта его личного хозяйства или его денежного дохода. Понятно поэтому, что борьба колонов против растущей эксплуатации выливалась, в первую очередь, в требование изъятия у землевладельца той части имущества, которую он у них экспроприировал.

По мнению А. Д. Дмитрева, одной из целей движения агонистиков был «общий передел земли»¹. Но и этот вывод никак не вытекает из данных источников и затушевывает историческую специфику рассматриваемых движений.

Процесс мобилизации земли, как правило, сопровождался в IV в. не обезземеливанием сельчан, но их закабалением и превращением в зависимых работников крупных поместий. Экспроприация колонов была завуалирована тем фактом, что они продолжали сидеть на своей земле и пользоваться своим индивидуальным хозяйством. В силу естественной в тех исторических условиях ограниченности классового сознания колонов они не могли ставить своей целью уничтожение крупного землевладения и представлявшей его социальной группы. Они боролись лишь против очевидной для них несправедливости: перехода продукта их труда в чужие руки. По-видимому, восставшие даже не выгоняли землевладельцев из поместий и, судя по сообщению Optata (III, 4), применяли к ним насилие только в тех случаях, когда те отказывались выполнять их требования («...если медлили с исполнением их приказаний, внезапно налетала безумная толпа»). Такой же характер носили восстания V в., о которых рас-

¹ А. Д. Дмитрев, Социальные движения в Римской империи... (машинопись докторской диссертации), Черновицы, 1949, стр. 235.

сказывает Августин. Восставшие ограничивались экспроприацией у землевладельцев присвоенных ими продуктов своего труда и, очевидно, именно с этой целью разрушали винные погреба, в которых хранилось вино, полученное в виде оброка с колонов (Aug., Ep. 185, 4, 15).

Приведенные факты не позволяют считать африканские восстания IV—V вв. проявлением «революции рабов». Эти восстания выражали прежде всего стихийный протест сельского населения против распространения и развития колонатных отношений, приводивших к превращению прежних свободных сельчан и арендаторов в крепостных работников в имениях крупных землевладельцев. Как по своей направленности, так и по формам и методам борьбы африканские аграрные движения характерны для периода становления позднеримского колоната, представлявшего собой раннюю форму вызревания феодальных отношений. Колоны и закабаляемые земледельцы еще не распознавали отчетливо в крупном землевладении враждебную им социальную силу, поэтому их борьба с ним носила непоследовательный и преимущественно оборонительный характер. Вместе с тем, поскольку для крупных имений поздней Римской империи было характерным тесное переплетение элементов развивающихся феодальных и сохранявшихся еще рабовладельческих отношений, борьба колонов совместно с рабами против крупных землевладельцев была в то же время борьбой против рабовладения.

К восстаниям сельского населения, подобным аграрным движениям IV—V вв. в Римской Африке, вряд ли можно сколько-нибудь оправданно применить термин «революция»¹. Не выдвигая сколько-нибудь четкой социальной программы, отражавшей потребности нового общественно-экономического строя, они в то же время не имели и ясной политической целеустремленности. Основной для всякой революции вопрос о смене власти даже не ставился в ходе стихийных выступлений трудящихся африканской деревни.

Тем не менее прогрессивная историческая роль этой борьбы несомненна. Она в какой-то мере расшатывала рабовладельческие отношения, игравшие еще значительную роль в экономике африканских провинций, и — что еще более важно — способствовала подрыву в этом районе власти Римской империи, хотя сами по себе отдельные локальные восстания сельского населения не могли, конечно, привести к устранению власти римского государства в этом районе. Большее значение для исторических судеб Северной Африки имела та широкая поддержка, которую встречали со стороны местного населения вторгавшиеся на римскую территорию варварские племена. Об этой поддержке свидетельствует ряд фактов.

В конце 60-х годов IV в. берберское племя австуриан вторглось на территорию Триполитании. Интересно отметить, что берберы, очевидно, рассчитывали на содействие населения провинции. По сообщению Аммиана Марцеллина (XXVIII, 6, 1—4), представитель этого племени Стахаон разбегался перед вторжением по различным районам Триполитании и старался вызвать измену в провинции.

В 373 г. большая группа берберских племен, объединенных Фирмом, захватила значительную часть Мавретании. Римское правительство смогло подавить восстание Фирма, лишь перебросив в Африку войска из Паннонии и Нижней Мезии (Zosim., IV, 16). По свидетельству Аммиана Марцеллина, римский командующий Феодосий, высадившись в Ситифенской Мавретании и начав военные действия против Фирма, приобрел себе большую популярность запрещением взимать провиант для армии с населения провинции. Это распоряжение, — говорит Амми-

¹ Ср. Brisson, ук. соч., стр. 62.

ан, — было на радость земледельцам (Amm. Marc., XXIX, 5, 11). Впоследствии Феодосий приказал казнить ряд видных должностных лиц провинциального управления, прославившихся своими незаконными поборами и лихоимством (*ibidem*). Эти мероприятия Феодосия показывают, что в войне с Фирмом он стремился добиться если не прямой поддержки, то хотя бы благожелательного нейтралитета местного населения. Они становятся понятными лишь при предположении, что восстание Фирма было поддержано не только берберскими племенами, но и широкими слоями населения африканских провинций.

Это предположение целиком подтверждается сообщением Зосима (Hist. nova, IV, 16), который определенно связывает восстание Фирма с недовольством населения Римской Африки налоговой политикой Валентиниана и вымогательствами комита Романа¹. В представлении Зосима именно жители римских провинций (Λίβυες), а не варвары-берберы провозгласили Фирма императором (Φίρμος τὴν ἀλωριῶδα δοῦτες ἀνεβείξαν βασιλέα)².

Для характеристики настроений низов африканского населения по отношению к варварскому завоеванию представляет интерес и следующее замечание Сальвиана Марсельского, посетившего Африку в период борьбы за африканские провинции между империей и появившимися в этом районе в 429 г. вандалами: «Тяжелей всего то, что иногда они (бедняки), требуя под влиянием слишком больших тягот даже прихода врагов, просят бога, чтобы они сообща переносили от варваров то разорение, которое раньше поодиночке переносили от римлян» (De gub. Dei., VII, 21). Очевидно, широкие слои эксплуатируемого населения африканских провинций видели в варварском завоевании средство освобождения от ненавистной им власти Римской империи.

Декрет Валентиниана III от 445 года (Valentin., Nov., XIII), изданный в период, когда значительная часть африканских провинций уже находилась в руках вандалов³, свидетельствует о том, насколько широкий размах приобрела классовая борьба в Северной Африке в связи с вандалским вторжением. В декрете говорится о малочисленности колонов (*paritas colonorum*) в Мавретании и Нумидии (т. е. в провинциях, оставшихся еще под властью империи). Военнопленных, относительно которых провинциалы докажут, «что они их потеряли» (т. е. беглых рабов и колонов), декрет требовал возвращать владельцам. Отсюда можно заключить, что колоны и рабы, пользуясь дезорганизацией римской власти в Африке в период войны с вандалами, бежали в районы, оккупированные «варварами», и затем принимали вместе с ними активное участие в борьбе с Римской империей.

Таким образом, процесс варварского завоевания Северной Африки проходил в тесной связи с борьбой народных масс против социального и политического гнета.

¹ Ср. W. H. C. Friend, JRS, XLV (1955), стр. 203.

² Судя по одной испорченной посвятельной надписи из Каламы (CIL, VIII, 5347), относящейся, очевидно, к Фирму (см. O. Seeck, «Monumenta Germaniae Historica», auctores ant., VI, 1, стр. XLVIII), он носил в период восстания титул августа.

³ По мирному договору 442 г. к вандалам отошли Проконсульская Африка, Бизацена и восточная часть Нумидии (Victor Vitensis, Historia persecutionis Africanae provinciae, I, 4; Prosperi Tironis, ad. an. 442; cp. L. Schmidt, Geschichte der Wandalen, Lpz, 1942, стр. 71).

